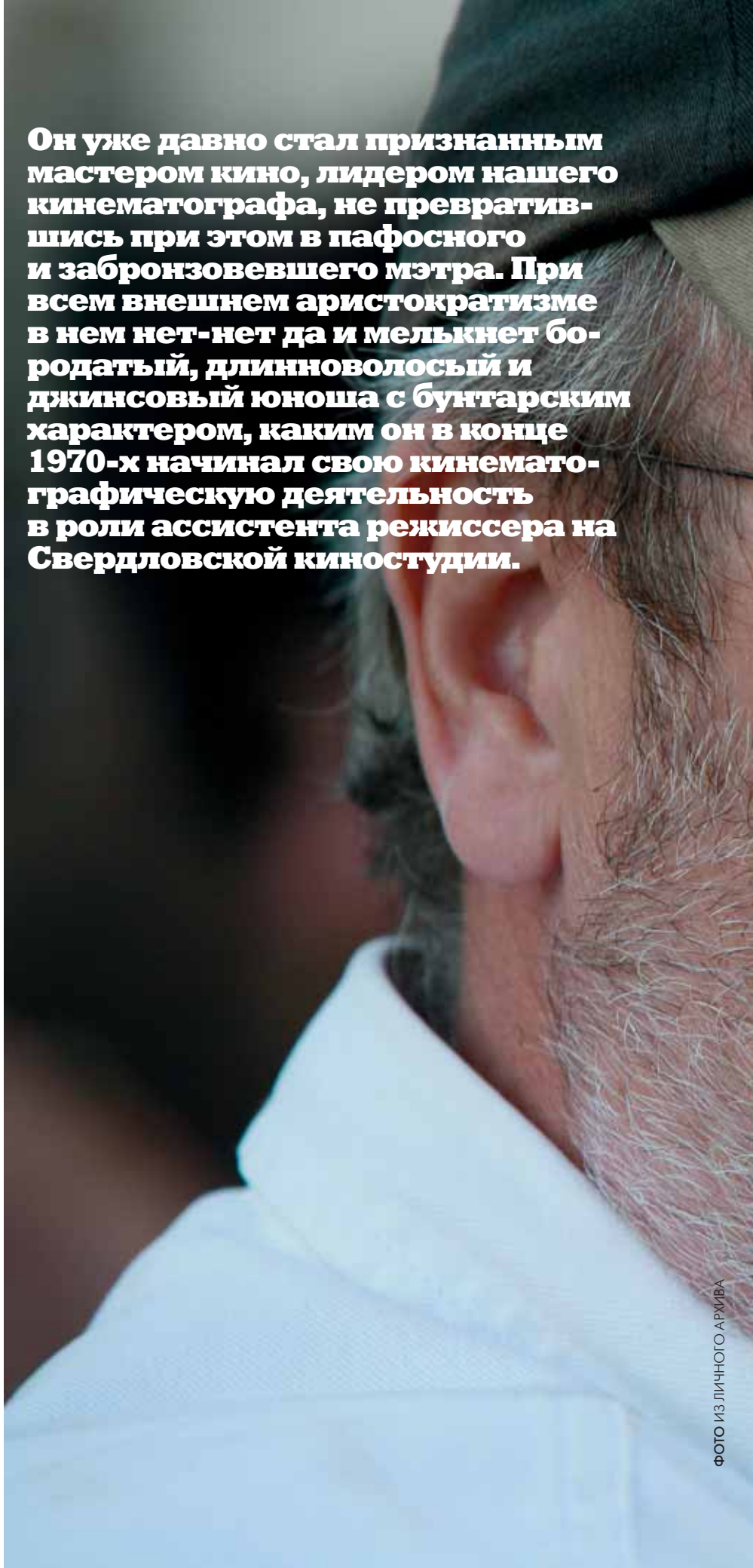

ВЛАДИМИР ХОТГИНЕНКО

«Нужно уметь слышать звук судьбы»

Он уже давно стал признанным мастером кино, лидером нашего кинематографа, не превратившись при этом в пафосного и забронзовевшего мэтра. При всем внешнем аристократизме в нем нет-нет да и мелькнет бородатый, длинноволосый и джинсовый юноша с бунтарским характером, каким он в конце 1970-х начинал свою кинематографическую деятельность в роли ассистента режиссера на Свердловской киностудии.

С Александром
Балуевым
на съемках фильма
«1612»

С Кириллом
Плетневым
на площадке
картины «Поп»

Его первый фильм «Один и без оружия», снятый в 1984 году, не стал событием, зато третий — «Зеркало для героя», вышедший через три года, — сразу обратил на себя внимание необычностью стиля, сюжета, фантазией и смелостью. Затем появились «Патриотическая комедия», «Макаров», «Мусульманин», которые становились не просто событиями — вокруг них разгорались жаркие споры. Ну а «72 метра», «Гибель империи» и «Поп» еще раз доказали, что Хотиненко умеет соединить глобальность и точность воссоздания эпохи и исторических событий со скрупулезностью раскрытия человеческих характеров и отношений. В чем ему помогают «его» актеры, верным которым он остается долгие годы: Сергей Маковецкий, Нина Усатова, Александр Балуев, Чулпан Хаматова и Евгений Миронов. Мы встречаемся с режиссером на съемочной площадке (на сей раз в Музее мебели), где полным ходом идет работа над телевизионным многосерийным фильмом о жизни Достоевского, которого сыграет Евгений Миронов. Хотиненко

поглощен этой работой настолько, что все время старается перевести наш разговор на личность писателя. На площадке при полной сосредоточенности и отсутствии обычного киношного хаоса царит теплая домашняя атмосфера, не лишенная юмора и иронии.

Владимир Иванович, что вас привело сейчас к Достоевскому? Или мысли о нем появились у вас давно?

Нет. Более того, если бы мне предложили поставить что-нибудь по Достоевскому, я бы сильно думал. К тому, что написал Федор Михайлович, мне добавить нечего. А вот рассказать его биографию, которая неизвестна практически никому из нормальных людей, — это совсем другое. Ведь знают о Достоев-

ском очень мало. Знают классический портрет Перова, знают, что в рулетку играл, кто-то знает, что был на каторге и про роман с Аполлинарией... В общем, в лучшем случае сведения на уровне школьной программы. А ведь его жизнь интересна не меньше любого его романа. Именно поэтому я и рискнул пуститься в это непростое плавание. Мне очень хочется рассказать широкой аудитории о том Достоевском, которого я узнал. Снять фильм о его жизни мне предложил канал «Россия», но тогда я был занят на предыдущей картине. А потом, к моему величайшему счастью, мне предложили это еще раз. От такого не отказываются. Я стал изучать материалы и начал для себя открывать (и продолжаю делать это и сегодня) Федора Михайловича. Я его всего перечитываю совсем другими глазами, с другим отношением. Сейчас вся моя жизнь заполнена Федором Михайловичем. И это фантастическое ощущение!

Вы могли бы распределить для себя произведения Достоевского по трем призовым местам?

Сложно! Но, наверное, «Братья Карамазовы» все-таки на первом месте. Хотя сейчас я для себя открыл «Униженных и оскорбленных», тем не менее, если бы сошел с ума и все-таки рискнул за что-то взяться, то помолился бы, попросил прощения у Федора Михайловича и принял за «Карамазовых».

В одном из интервью вы сказали, что Федор Михайлович столь противоречивый человек, что в нем есть одновременно и Мышкин, и Рогожин. А если соотнести его с героями «Карамазовых», то кто он?

Смесь всех, потому что он удивительно сложный, многогранный человек. Хотя есть люди, которые ненавидят Достоевского. Однажды я выступал по

Вы сказали о его тяжелом характере. Считаете, что это свойственно всем талантливым людям? И какой вы в этом смысле?

Вы хотите от меня услышать признание, что я гений? (Смеется.) Ну, я тоже, конечно, непростой человек. Но я занимаюсь некоей дрессурой самого себя, и к тому же у меня очень хорошая жена. Она меня как-то так воспитывает, что во мне происходят изменения. А вообще-то никто так и не знает, совместны ли гений и злодейство. Непонятно. Но мне кажется, что, к сожалению, да.

Что касается сложностей характера, то отчасти это составляющие творческой личности, потому что

Там же с Сергеем Маковецким — отцом Александром

радио в прямом эфире. Позвонила женщина. Было понятно и слышно, что она интеллигентная, образованная. Так вот, она с возмущением сказала: «Как вы можете пропагандировать Достоевского? Только те, кто не любит Россию, могут это делать!» Да, Федор Михайлович был очень непростой человек.

Чем он мне еще более интересен. У него был тяжелый характер, он был вредный (смеется). Что пришлось вынести от него Сниткиной... А его страсть к игре!.. Но он сам бросил играть. И эта страсть тоже часть его биографии. Суть в том, что человек был не деревянный, человек был страстный! Даже лирическая часть его жизни, все его женщины... Он был очень живой человек! И он был в поисках любви. Я это совершенно определенно понимаю. Ему нужна была любовь!

Я снимаю один большой сериал про мою Родину и про людей, живущих на этой земле

очень много всего бурлит внутри. И я прожил бурную жизнь. Просто, если по молодости, выбирая между любимой женщиной и искусством, я выбрал бы искусство, даже не задумываясь, и бросил все, то...

Это гипотетически или вы так поступали?

Поступал. И дети росли практически без меня. Я им недодал внимания. Но Господь милостив: я не потерял с ними связь, хотя мог бы. А вот сегодня, если бы, не дай Бог, передо мной встал такой выбор, то, конечно, выбрал бы женщину, семью. Во-первых, я уже довольно много сделал и, во-вторых, достаточно хорошо знаю, что и как еще могу сделать.

Вы считаете, что характер человека, его натура меняются с возрастом?

Все зависит от того, насколько человека в себе все устраивает, мешает ему что-то жить, работать,

общаться с близкими или нет. Жизнь — это всегда выбор. Но я думаю, что человек рождается тем, кто он есть. Наверное, он может что-то с собой сделать, если дозреет. Да, среда влияет. Но насколько я могу заниматься самоизучением, я всегда был таким.

И маленьким мальчиком, и молодым человеком, и сейчас. И в характере все то же самое: и самолюбие, и обиды... Все остается. Можно себя немного скорректировать, но сути это абсолютно не меняет. Это все равно сгусток каких-то генов, наследственной памяти, еще чего-то. Нет, человек рождается с характером.

Мне кажется, что вы по натуре человек очень верный и в хорошем смысле даже консервативный.

Да, думаю, что правильно. Во всех смыслах. Включая политические взгляды.

Вы верны и артистам, и даже тому, о чем вы говорите, несмотря на временное разнообразие в ваших картинах...

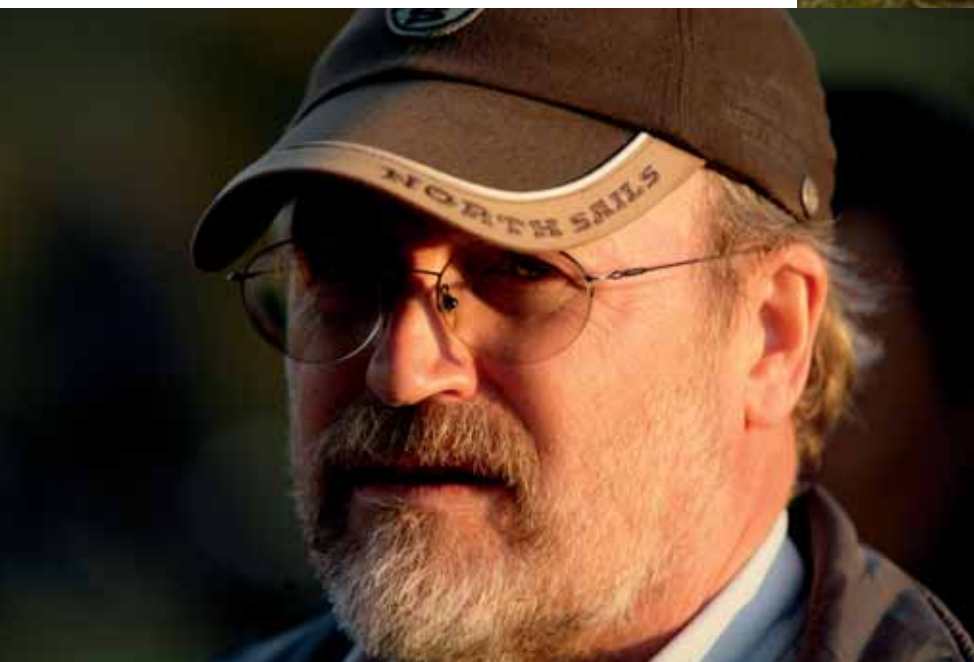
Да, я снимаю на самом деле один большой сериал про мою Родину и про людей, живущих на этой земле.

Мне кажется, что та же «Гибель империи» при всей эпохальности состоит из очень точно и тонко рассказанных частных историй.

Это мне очень важно в этой картине. И действительно, все мои фильмы — одна история, меняющаяся во времени.

Вы очаровываетесь людьми? Например, Женю Миранова вы называете только Женечкой...

Женя — отдельная история. Мы же с ним очень сложный путь прошли на «Мусульманине». Эта картина нас очень сильно сроднила. Плюс я с огромным уважением к интуиции отношусь. И думаю, что, если бы он даже у меня не снимался, но мы бы с ним были дружны, я бы все равно его Женечкой называл. А сейчас на «Достоевском» мы совсем

Мне не нужно актеру объяснять что-то словами, мы часто пользуемся почти междометиями в общении с «моими» актерами

Картина «Поп» рассказывает о существовании псковской православной миссии в период с 1941 по 1944 год и истинном служении русского батюшки в это страшное время

сблизились. А вообще я просто люблю актеров. И поэтому уменьшительно-ласкательно называю. **Вы способны работать с актером (я имею в виду большую роль), если не очарованы им ни как человеком, ни как артистом, если не ваш человек?**

Это тяжело. Но были такие случаи. Правда, немного. Иногда сам ошибался, иногда с продюсерами идешь на компромисс — тебе кого-то предлагают, думаешь: «Хорошо, я на это соглашусь, а потом вам свои требования выдвину». Но мне нужно, чтобы мы вместе вибрировали, чтобы мы одинаково относились к этому миру, дышали одним воздухом... Это одна из составляющих моего, скажем так, метода работы. Тогда мне не нужно актеру объяснять что-то словами, мы часто пользуемся почти междометиями в общении с «моими» актерами. На ощущении. Это очень важно для меня.

Человеку, которого вы любите, прощается больше или с него строже спрашивается? Я имею в виду какие-то человеческие слабости, поступки...

Общеизвестно, что тем, кого мы любим, прощаем больше. Но вопрос в другом. Что такое самовоспита-

ние? Я человек православный. Соблюдаю посты. Но иногда сквернословлю, вспыхиваю. И когда это происходит во время поста, ты стараешься себя сдерживать, потому что понимаешь: нельзя! И этот аргумент тоже является фактором самовоспитания. Но главное, есть замечательная формула: относись к другим так, как ты хотел бы, чтобы относились к тебе. Если бы все так жили, было бы хорошо. Но рая на земле нет.

И все же есть что-то, что вы все равно не прощаете? Были люди, которые ушли из вашей жизни?

К сожалению, да. Хотя это неправильно — исходя из религиозных соображений. Есть такая молитва: «Ненавидящих и обидящих нас, прости, Господи». Иисус сказал: «Они не ведают, что творят». И святые молились за врагов. Но я вряд ли дозрею до таких духовных высот. **А что это было — предательство?**

Да, предательство! Разлюбил, полюбил — это дело такое... Только предательство! Я даже не имею в виду измену.

А что вы понимаете под словами «любовь» и «дружба»? Кто-то говорит, что любовь — это боль за

другого человека, кто-то — что это желание всем делиться, жертвовать...

Есть же такое выражение «Любовь зла, полюбишь и козла» (*смеется*). А я понимаю это как мистическое чувство. И никогда не хотел формулировать, как оно возникло, отчего, хотя, если ты снимаешь кино об этом, то тебе нужно так или иначе придумать, как это возникает. Понимаете, одно дело — в литературе описать, как у Булгакова, например: «Любовь выскочила из-за угла и настигла нас, как убийца». А как это снять?! Значит, должно быть что-то другое. Чтобы мы увидели момент зарождения этого чувства. У Ростоккого в «Доживем до понедельника» это было ухо девочки на просвет в солнце, локон... Как к человеку это приходит, неизвестно, но, если ты хочешь сформулировать, нужно придумать образ. А я понимаю только любовь с первого взгляда, потому что это короткое замыкание.

Вы имеете в виду, что это все-таки влюбленность, которая потом развивается в любовь?

Да, конечно. В первый момент только семечко сеется, а дальше начинается самое интересное. Это должно обязательно развиваться. А молодежь вообще путает физиологическое чувство с душевным. Пока человек находится во власти этого чувства, страсти — это одно, а вот прожить всю жизнь вместе — уже совсем другое. И для этого нужно, конечно, искать пути, потому что на начальном этапе бурные чувства оправдывают все: слепоту, легкость прощения, а когда острота чувства притупляется, то здесь уже включаются какие-то другие вещи. Это очень важный и тонкий момент.

У вас никогда не было такого, чтобы вы не понимали до конца, кого вы любите, как у Достоевского: Мышкин мечется между Настасьей Филипповной и Аглаей, ничего не может в себе понять, Митя Карамзов — с Грушенькой и Катериной Ивановной, Катерина Ивановна мечется между Митей и Иваном... Да и сама любовь порой замешана на ненависти...

Потому и гениален Федор Михайлович. Это все очень сложно и неоднозначно. Бывает, что даже измены у людей любящих не приводят к разрыву.

А вы сами были в таких сложных ситуациях, когда сами себе не могли дать четкого ответа?

Да, конечно. Я прожил достаточно сложную жизнь в этом смысле.

Тот же Достоевский говорит о том, что часто именно любящий человек делает любимому больно. Хотя, может быть, это и извращение...

Нет, это не извращение. Еще со школьных времен: портфелем по голове — значит, любит (*смеется*). Бывает, что люди любят друг друга, но находятся в постоянном антагонизме. Это тоже форма любви. И Федор Михайлович, уже будучи взрослым, такие

письма Анне Григорьевне посылал... Она потом даже вычеркнула то, что он ей писал. У них же был риск, что они расстанутся. Но их любовь прошла через испытания — смерть ребенка, крайнюю нужду...

И в результате они стали мужем и женой.

А вас препятствия в любви стимулируют, разжигают или наоборот?

Мне не становится интереснее от того, что есть препятствия. Но я их никогда не боялся. И по молодости мог взять все, что хотел (*смеется*). Сложности были. Но физиологической необходимости в сложностях и препятствиях у меня никогда не было.

В вашей жизни очень много значит случай или судьба...

Опять же есть хорошее выражение: «Кто верит в случай, тот не верит в Бога». А слово «судьба» — ближе. Поэтому я случаем никогда такое не называю. Но это вопрос терминологии. В жизни каждого человека важно оказаться в нужное время в нужном месте. И почувствовать это. Это очень важный момент.

И какие знаки судьбы вы чувствовали с самого начала?

Хороший учитель в школе был, потом еще подсказки... Может быть, это идеализм, но мне кажется, человека нужно учить слышать звук судьбы. Я думаю, что многим людям это облегчило бы жизнь. Благодаря умению слышать судьбу у человека не будет ощущения чего-то несвершившегося. Когда он на самом деле занимается тем, что ему предназначено, но думает, что его место совсем другое.

Как у вас архитектурный институт, который вроде бы был «не туда»?

А оказалось, аб-со-лют-но «туда». Я сейчас совершенно не могу себе представить свою жизнь без того периода. Это было счастье! И мне очень повезло даже в том, что я получил образование, которое было близко к классическому: разнообразному, глубокому, где нас учили пропускать чувства через руки.

К концу школы у вас были какие-то мысли по поводу будущей профессии?

Я не собирался быть архитектором. Мечтал, как все мальчишки, стать космонавтом, одно время хотел быть моряком, археологом. Что самое смешное, археологом даже поработал, когда учился в архитектурном институте и ездил на практику в Крым. Кстати, потрясающая поездка была. А когда нам еще предоставили возможность неделю пожить в Херсонесе, как вознаграждение... Платили, конечно, копейки, но это не имело никакого значения. Это был фантастический период. Там я научился с аквалангом нырять — и зародился мой интерес к подводному плаванию. Я даже в архитектурном институте этим немножко занимался.

Ну а, оканчивая институт, строили какие-то планы?

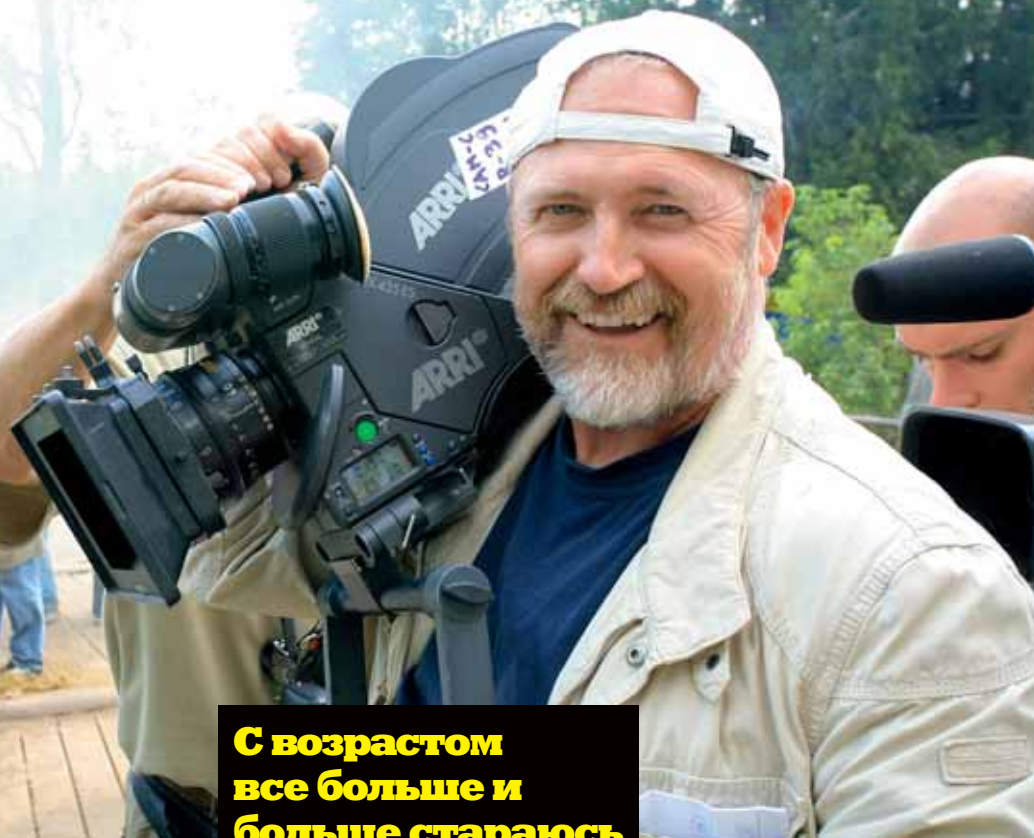
Сложности были. Но физиологической необходимости в сложностях и препятствиях у меня никогда не было

Картины Хотиненко рассказывают практически обо всех смутных временах России. Эта так и называется — «1612. Хроники смутного времени»

Настоящему режиссеру приятно бывает подержать на плече то, без чего невозможна никакая картина

С возрастом все больше и больше стараюсь получать от сегодняшнего дня, испытывать сиюминутные ощущения

Еще как! Но у меня были такие авангардистские идеи (*смеется*)... Тогда только появилось здание Центра Помпиду в Париже, и для меня это было неким современным эстетическим идеалом.

Вы его видели тогда?!

Нет, только на картинке. Наяву увидел гораздо позже. Удивительно, рядом стоял шарманщик. Я запомнил и уже потом, снимая «Патриотическую комедию», использовал это в фильме (мы нашли его). Но после института устроился в мастерские и понял, что не этим должен заниматься, потому что то, что я хочу строить, мне совершенно не светит. В общем, прозрел (*смеется*). Но нужно было отработать три года. И мне пришлось сделать выбор. У меня была возможность пойти в аспирантуру. Кстати, я мог быть первым ленинским стипендиатом, но вдруг обнаружили, что у меня тройка по истории КПСС. Кроме этого мне предлагали в Подмосковье место главного архитектора. И я мог получить все сразу: квартиру, охоту, рыбалку, деньги... Это был серьезный соблазн. У меня была одна ночь для решения. И я расстался со всем этим и пошел в армию.

Добровольно?!

Да, правда, служить надо было год. Но тем не менее... И без армии я тоже свою жизнь не представляю. Это бесценный опыт. И конечно же, если бы я не пошел в армию, то практически наверняка не встретился бы с Никитой Михалковым.

А что вам дала армия?

Науку проходить через трудности, испытания. Причем не физические — я был спортсменом, и это для

меня было ерундой: я и кроссы бегал отлично, и стрелял хорошо. Самое тяжелое — это то, что ты в неволю попадаешь. Лежишь в казарме, в окнах виден город, а ты туда не можешь выйти, и вообще у тебя все по расписанию.

Потом я начал в дембельские альбомы рисовать портреты... И в результате замполит стал мне на ночь кабинет оставлять, я там рисовал, писал рассказы... В общем, такая человеческая жизнь началась во второй половине (*смеется*).

Вы как-то сказали, что к моменту встречи с Никитой Михалковым были фанатом кино...

Да, я очень много всего смотрел. Мы (у нас была достаточно большая компания любителей кино) выискивали возможности посмотреть зарубежные картины, изготавливали фальшивые билеты на так называемые закрытые просмотры... Ехали на край города смотреть «Зеркало» Тарковского и т.д. А кино я любил всегда, при этом точно знаю, когда его полюбил. Это был 1959 год. Вышел фильм «Человек-амфибия». И тогда я узнал, что такое магия кино. Я эту картину помню во всех деталях, как будто это было вчера. Но тогда все любили кино и смотрели. Если сейчас самый успешный проект посещают 8—10 млн зрителей, то тогда это был бы провал (*смеется*). Такие картины, как «Пираты XX века» или картины Рязанова, Меньшова, смотрели по 60—80 млн. Если бы сейчас какой-то фильм посмотрело столько же, то создатели несказанно обогатились бы. Но о режиссуре я тогда не думал вообще. И в армию пошел для того, чтобы подумать, чем заняться. И вот тут свела судьба с Никитой Михалковым.

А как получилось, что после просмотра вы с ним два часа разговаривали?

Кто-то организовал с ним встречу. И он пригласил к себе в гостиницу «Центральная» творческую молодежь, человек пятнадцать. Он тогда как раз снял «Неоконченную пьесу для механического пианино», по-моему, еще даже не смонтировал. И меня мой друг, Саша Кротов, уговорил пойти, я не хотел, думал: «Ну, что я буду спрашивать про творческие планы?» В общем, затащил меня туда силой. А получилось так, что мы разговорились с Михалковым. Я рассказал о своих мытарствах. И он сказал: «А может, тебе попробовать на режиссуру? Закончишь — приезжай». И оставил телефон. И, что меня больше всего поразило, он запомнил меня. И когда я позвонил, он очень внимательно отнесся ко мне. Я привез с собой работы — какие-то эскизы. Он встретил меня на «Мосфильме» (он снимался тогда в «Сибириаде»), покритиковал какие-то вещи и дал совет: «Чего ты на «Мосфильм» пришел? В Свердловске есть студия, устройся туда, а там посмотрим». Так я и сделал. Поехал, устроился ассистентом. Работал на нескольких картинах. Потом на Свердловскую киностудию пришло письмо от директора «Мосфильма» — это было равнозначно рангу министра: откомандировать в Москву ассистента Хотиненко (*смеется*). Это была минута славы. Первый импульс некоего внимания и уважения ко мне. До этого только мой внешний вид замечали, а я был волосатый, бородачатый, джинсовый... Приехал в Москву. Работал ассистентом на «Обломове», потом на «Пяти вечерах», затем практикантом был на «Родне» и снялся в эпизоде — мотоциклиста Варелика играл. И в 1980 году, еще даже не окончив Высшие режиссерские курсы (учился у Михалкова), снял десятиминутную картину. Ровно тридцать лет тому назад я в первый раз сказал: «Мотор. Начали». Я это тоже помню во всех подробностях. Когда я показал ее на Высших курсах, один из педагогов, известный человек, сказал: «По-моему, нужно выгнать. Все в тумане, ничего не понятно». А картина была черно-белая, все снято как в тумане, такое подражание «Андрею Рублеву». Хорошая, я считаю, картина, я люблю ее... И Никита в ответ сказал: «Давайте тогда и другие работы пересмотрим».

Кстати, Высшие режиссерские курсы — это тоже счастье. А сейчас я там преподаю. Правда, сегодня условия другие. Тогда мы учились бесплатно, более того, нам платили стипендию, довольно приличную, девяносто пять рублей. Столько же инженер получал. Но я не нуждался, у меня в ту пору деньги были, я в архитектурном институте заработал. Мы на творческую халтуру ездили, в Сургуте оформляли гостиницу и т.д. Я очень приличные деньги получал: можно было за лето заработать тысячу пять — стоимость машины. А сейчас студентам приходится платить самим. Кроме того, нас направляли на студию после окончания, а сейчас — кто как устроится.

Встреча с Татьяной — тоже подарок судьбы. Вы же оба работали во ВГИКе, но не сталкивались...

Да, мы работали в одном месте, но не пересекались. И это тоже, значит, было правильно, потому что, может быть, столкнулись мы раньше, ничего бы не произошло. У каждого была своя жизнь. Всему свое время. **Вы уже оба были взрослыми людьми...**

Да, и слава Богу, потому что мы уже знали, и это очень важно, что такое влюбленность и что такое жизнь после этого. У нас ведь тоже не все так идеально гладко было, но это помогло нам быть в каких-то вещах терпимее, мудрее. Когда мы познакомились, меня пригласили во Францию по работе, и я спросил: «А можно мне приехать не одному?» Мне сказали: «Конечно». И я предложил поехать вместе. Ведь одно дело — встречаться, это все романтично, а другое дело — пожить вместе, ведь у каждого свои привычки. Гостиница оказалась очень уютной. И мы дней десять жили там, причем очень весело. И после этой поездки поняли, что можем жить вместе, потому что понимаем друг друга, и что наши чувства достаточно сильны, чтобы преодолеть какие-то неурядицы.

А ваша с Татьяной любовь к Италии — тоже любовь с первого взгляда?

Нет, не с первого. Италия, Рим мне понравились, это было где-то году в 1986—1987, это был фестиваль в Сорренто, а потом я в Рим попал. А по большому счету мы полюбили Рим, когда я снимал документальную картину «Паломничество. Вечный город», потому что мы там долго жили, подробно... Так что это уже была любовь осознанная, с открыванием. И она складывается и из того вечного, что есть в Риме, и из мелочей.

Вы помните больше хорошие моменты жизни, радости или трудности и обиды?

Конечно, хорошие. У меня вообще память так устроена, что плохое исчезает; правда, не отсеиваются некоторые свои поступки. Я как-то задумался о том, что если начать вспоминать свою жизнь детально, то на это нужно будет потратить практически столько же времени. У меня даже родилась сумасшедшая гипотеза, что, скорее всего, после смерти ты сначала отматываешь свою жизнь обратно, с тебя спрашивают за все твои грехи, и только после этого, если ты получишь прощение, у тебя начнется что-то другое там...

Вы стараетесь жить сегодняшним днем, не думать о том, что будет через день, год или планируете, мечтаете?

Стратегическое мышление мне свойственно, потому что у меня профессия такая. Но с возрастом я как раз все больше и больше стараюсь получать от сегодняшнего дня, испытывать сиюминутные ощущения. Сейчас я пытаюсь понять, что позволяет растянуть день? Иногда — безделье, иногда — чтение книжек, иногда — возможность выехать куда-то... Ведь в детстве длинные-длинные дни, да и в молодости. А сейчас сидишь в монтажной — бум, бум, и день закончился; утром встаешь, заходишь в павильон, снимаешь, вышел — ночь. Такой коротенький день. Поэтому чем дальше, тем больше я дорожу тем, что происходит сегодня.

Марина Зельцер